

Александра Новикова – о работе на ГТРК «Камчатка» и увольнении после митинга в поддержку Хабаровска

В начале августа в Петропавловске-Камчатском прошел митинг в поддержку протестующих хабаровчан. Акция собрала около полусотни человек, полиция несогласованному



мероприятию не препятствовала.

Инициатором митинга выступила 35-летняя телеведущая Александра Новикова.

На следующий день она уволилась с работы «по собственному желанию».

Новикова попала в поле зрения общественности этой зимой, после появления в интернете видеоролика с ее участием. Ведущая расхохоталась прямо в телестудии во время записи репортажа о повышении выплат льготникам: «Хорошо, что я не в прямом эфире. Я честно старалась не засмеяться на этом моменте. Вы это читали?»

Согласно постановлению правительства (которое и рассмешило Новикову), с февраля с.г. набор социальных услуг был проиндексирован до суммы около 1,5 тысяч рублей. Примерно 900 рублей льготник может потратить на медикаменты, 137 рублей – на путевку в санаторий, а оставшуюся сумму – на «международный проезд к месту лечения и обратно».

Кадры не попали в прямой эфир, но мгновенно стали хитом интернета. После этого случая дирекция ГТРК не отстранила

Новикову от работы, ограничившись «беседой». Сама ведущая инцидент тогда не комментировала.

Позже внимание журналистов привлекла другая ее реплика, выходящая за рамки редакционной политики телеканала. Новикова резко высказалась против поправок в Конституцию: «Я член участковой избирательной комиссии с 10-летним стажем. <...> Сама организация такого голосования – театральная постановка, которая нужна только для отвода глаз. И я отказываюсь стоять на своем участке и говорить вам, что вы делаете все правильно».

«Новая» поговорила с Александрой Новиковой о ее работе на государственном телеканале, противоречиях между личными политическими взглядами и редакционной политикой и об увольнении после митинга в поддержку хабаровчан.

– Расскажите о вашей карьере. Как вы оказались на ГТРК «Камчатка»?

– С детства я знала, что буду работать журналистом. Знала, что стану телеведущей, что буду писать и снимать материалы. Откуда я это знала, мне сказать трудно, но я была абсолютно уверена. Я окончила школу и уехала учиться в петербургский Гуманитарный университет профсоюзов на факультет культуры, специальность «журналистика». Но мозгов у меня тогда было немного. Отучилась год, бросила учебу и благополучно вернулась домой.

На Камчатке я устроилась работать в частную телекомпанию «Причал». Меня фактически взяли с улицы, всему научили, и я начала работать телевизионной журналисткой и ведущей. У нас тогда еще не было телесуфлера, новости я читала с листа. Потом компания развалилась, и я уехала в Москву учиться в школу телевидения «Останкино».

После этого снова вернулась домой, работала в бизнесе. Вышла замуж, а муж у меня был довольно категоричным: он считал, что все журналистки – проститутки. И я, честно говоря, уже

поставила крест на этой профессии. А потом мы развелись, и буквально через пару месяцев ГТРК объявила о кастинге. Я пошла, ни на что особо не надеясь. Было очень много людей. Попросила девочек: можно я быстро прочитаю и уйду, мне это все не надо. Меня пропустили вперед, я отчитала, и уже через час мне позвонила замдиректора и сказала, что берет на работу. Это было в 2016 году.

– Чем вы занимались на ГТРК?

– Первое время работала только на ведении. А через какое-то время я чуть было не попала в аварию: на Камчатке не очень хорошие дороги. Я записала сториз в Инстаграме, довольно грубые, про камчатское правительство, мол, где дороги. Выложила в интернет, и тогда меня наказали. Сняли с ведения и отправили работать в поле корреспондентом.

Я была замужем, зарабатывала 30 тысяч, которые тут же могла спустить на косметолога, деньги не считала: мне на все хватает, у меня все в порядке. А когда пошла работать корреспондентом и увидела, что действительно происходит, у меня открылись глаза.

В 2015 году, когда я еще занималась бизнесом – итальянской одеждой, летала в Москву к своему поставщику за товаром. На мне была толстовка с изображением Путина. И я искренне не понимала, почему от меня шарахаются люди в метро. С тех пор мои взгляды во многом поменялись.

– Насколько журналист на региональном телевидении свободен в выборе темы или подачи?

– Вообще, достаточно свободен. Другой вопрос, что мы работаем по контрактам. Например, у нас есть контракты с правительством Камчатского края и с городской администрацией. Поскольку у нас контракт, мы обязаны это выдать. В итоге показываем эти надоевшие лица чиновников, и поэтому новости получаются скучными и неинтересными.

– В профессиональном сообществе ходит слух, что журналистам гостелеканалов раздают «методички», чтобы они «правильно» освещали резонансные события. Вы с этим сталкивались?

– Это байка. Есть другой нюанс. Если в материале заинтересовано правительство или любая другая госструктура, то мы на ГТРК должны работать исключительно по пресс-релизу. Либо, если его нет, отправлять материал на согласование перед выходом. Ладно бы, когда это просто текст: написали, подтвердили, выпустили, но иногда они просят показывать видео. В общем, работать с пресс-службами отвратительно. Там сидят не самые талантливые люди, на которых мы почему-то должны равняться. Стыд и позор, если честно.

– Как изменилась ваша жизнь после инцидента, когда вы рассмеялись, читая новость про индексацию льгот для ветеранов и инвалидов?

– Я не представляю, как живут звезды и политики всероссийского масштаба.

Я пришла к руководству и предложила: давайте я уволюсь. Я была готова, потому что резонанс был жуткий, давление на компанию – очень серьезное. Тогда мне уйти не дали, потому что общественность расценила бы это как принудительное увольнение, а не я сама ушла.

– Изменилось ли отношение к вам редакции, в том числе со стороны начальства?

– В компании меня всегда любили и уважали. Но когда все это случилось, начальники испугались, что полетят их головы. У меня были кое с кем из руководства теплые отношения – но после этого инцидента я потеряла друга. Для компании я стала опасна, я понимала, что мои дни на ГТРК сочтены.

Хотя перед голосованием за поправки в Конституцию я приходила к шефу в слезах с заявлением с формулировкой: «Прошу уволить меня по собственному желанию, потому что, когда я читаю тексты

про поправки в Конституцию, мне хочется плевать». Тогда он меня тоже не отпустил. Не то чтобы вцепился и держал, но сказал: «Поправки пройдут, будет полегче». Я слезу вытерла и пошла работать.

– Параллельно вы публично высказывались против поправок в Конституцию в соцсетях.

– Да. Сначала я выложила фотографию с микрофоном и написала, что я против поправок. Шеф позвонил и сказал, что фотку с микрофоном я должна убрать, но могу высказаться под другим снимком. Я удалила и перезалила пост, потому что, прежде всего, я гражданин Российской Федерации, а уже потом журналист ГТРК. Я не могла молчать и агитировать голосовать за поправки. С самого начала было понятно, что это делается для того, чтобы действующий президент смог баллотироваться еще несколько раз и оставаться у власти 30 лет.

– Вы сказали, что вам тяжело было читать на телеканале новости про Конституцию. Как это сочеталось с вашей позицией?

– Мы на ГТРК все-таки не дошли до такого состояния, как на «России-1» и «России-24» федерального уровня. Мы не ведем себя как Киселев, говоря, что Россия без Путина нежизнеспособна. Мы освещаем события с нейтральной точки зрения, предоставляя зрителю возможность делать выводы самому. Мы всегда придерживались этой позиции. Не говорили, например: «Идем и голосуем» или что Путин хороший, а наш губернатор – классный.

– Как вы встретили новость о задержании Сергея Фургала и протестах в Хабаровске?

– Я была очень удивлена, когда это все произошло. Моя мама из Хабаровска, и пока была жива бабушка, я туда довольно часто летала. Поэтому все это я воспринимаю как личную драму и горжусь хабаровчанами. Протест длится без малого полтора месяца. Жара, солнце палит, а люди выходят и бьются за наше с вами будущее. Пытаются доказать, что они не рабы. Сделать так, чтобы их услышали.

Фургал – legitimately избранный губернатор. Я наблюдала за ним краем глаза, и мне очень нравилось, как он ведет себя с местными чиновниками. Безусловно, это вызвало симпатию, хотя он и неоднозначная личность с мутным прошлым. Но то, что многотысячная толпа встала и пошла за своего губернатора, считаю, о многом говорит. На Камчатке за нашего бывшего губернатора не вышел бы никто.

– Расскажите про митинг, который вы организовали в Петропавловске-Камчатском в поддержку хабаровчан.

Как и почему вы на это решились?

– Я читала социальные сети и видела, что в большинстве своем люди на Камчатке поддерживают протест, но сидят дома. Я психанула и разместила пост на своей странице о том, что я такая же, как и вы, у меня зарплата 30 тысяч, давайте поддержим Хабаровск.

На митинг пришло около 50 человек. Немного, но для Камчатки это все равно результат. Даже согласованные с властями акции больше ста человек никогда не собирают. А тут пост провисел меньше суток, и пришло полсотни. Начало протестному движению я положила. Это я тоже считаю своим маленьким достижением.

В итоге получилось довольно дружно. Я накачала патриотической музыки и надеялась, что мы просто ее включим, и ничего скандировать и кричать не придется. Но меня подвела аппаратура, музыка звучала очень тихо. И тогда мой друг, правозащитник из общественного движения «Гражданин» Андрей Саркисян, взял руководство мероприятием в свои руки. Мы кричали «Я/Мы Хабаровск» и другие лозунги в поддержку хабаровчан. Полиция нас не трогала, хотя сейчас есть вероятность, что меня «подтянут» за организацию.

– Как развивались события после митинга? Я имею в виду ваше увольнение.

– Я раздражала некоторых чиновников. Мне не называли имен, но я поняла, что мое увольнение было согласовано даже не с

правительством Камчатского края, а с людьми в самых
высоких кабинетах. Видимо, кого-то очень сильно
бесила простая девочка с Камчатки. И я просто
сдержала слово. Это произошло закономерно, но все
равно неожиданно. Я оказалась не готова к такому повороту
событий. Жизнь теперь нужно срочно перекраивать.

